

Ли Пинъань не понимал устройства этого мира.

Его родители всю жизнь гнули спины на полях, из последних сил откладывая медь к меди. А он, ничего не сделав, лишь признав своим покровителем влиятельного евнуха, в одночасье получил пятьсот лянов серебра.

Родители за десять жизней столько не накопят.

Смутное озарение снизошло на него: в полях, кроме нищеты, ничего не вырастишь.

Хочешь разбогатеть — иди на государственную службу.

Если он получил пятьсот лянов еще до официального назначения, то что будет, когда он получит должность и реальную власть?

Впервые в жизни у Ли Пинъаня, помимо мечты о простой лепешке, появилась новая цель — или, вернее, жгучая жажда.

На следующее утро он отправился на дежурство в Императорскую кухню.

Те самые ворота, где вчера проводили жесточайшие обыски, сегодня открылись без лишних вопросов. Младший надзиратель из Дирекции дворцовой стражи, прежде суровый, теперь любезно заговорил с ним:

— Брат Ан, как будет время, выпьем вместе.

Выпьем?

Ли Пинъань восторженно кивнул. Он был наслышан о вине — поговаривали, что оно дарует забвение и неземное блаженство, но сам никогда не пробовал.

Вино в императорском дворце производили в специальном ведомстве, оно не подчинялось Императорской кухне, каждая амфора была на строгом учете, а за недостачу грозила смертная казнь.

Ли Пинъань спросил:

— Брат Хоу, откуда вино? Опасно это, как бы беды не вышло.

— Не беспокойся, брат Ан, никаких последствий, — прошептал Сяо Хоуцзы. — Управление императорских нужд торгует этим вином уже много лет, и ни разу ничего не случилось. Даже если нагрянет проверка, кто из евнухов во дворце его не пробовал?

Смысл был ясен: если небо рухнет, его подпрут те, кто повыше.

Ли Пинъань облизнул губы. Ему очень хотелось согласиться, но тут же вспомнилось предостережение Сяо Фанцзы.

Сейчас самое главное — осторожность. Никаких ошибок, ждать назначения. Даже малейшее пятно на репутации может помешать карьере, а если он оступится, то подведет и своего приемного отца, и деда.

— Брат Хоу, я еще молод, не привык к вину, — отказался Ли Пинъань, про себя подумав, что

если небо рухнет, высокие не поддержат его, а используют как подпорку, чтобы самим уцелеть.

Придя в управление, он направился к приемному отцу, чтобы засвидетельствовать почтение.

Сяо Лянцзы, дежуривший у дверей, сообщил, что евнух Сунь еще не пришел, и предложил пойти позавтракать на кухню — мол, там остались объедки с императорского стола, вкус отменный.

Ли Пинъань сглотнул слюну, но твердо ответил:

— Я подожду здесь. Как я могу думать о еде, не поклонившись отцу!

В глазах Сяо Лянцзы мелькнула злоба. Он хотел обманом выманить Ли Пинъаня, чтобы потом наговорить гадостей евнуху Суню и лишить новичка милости. Он не ожидал, что у юнца окажется такой твердый характер.

Сяо Лянцзы тут же натянул улыбку, достал из рукава банковский билет и заискивающе произнес:

— Вчера я взял подарок брата Ана, совесть замучила. Вот, возвращаю в целости, не держи зла.

Ли Пинъань с улыбкой принял деньги. За день два лян превратились в двадцать — даже ростовщики так быстро не наживаются.

— Благодарю, брат Лян.

Этот человек служил у дверей кабинета и наверняка был доверенным лицом отца, так что ссориться с ним пока не стоило.

Вскоре подошли и другие евнухи — и старики лет сорока, и совсем молодые. Ли Пинъань знал, что это другие приемные сыновья евнуха Суня.

Вчера он выяснил у Сяо Хуэйцзы, что таких, как он, у Суня еще шестеро: они служили в Ведомстве овощей, кладовых и прочих местах.

Они стояли поодаль, бросая на Ли Пинъаня недобрые взгляды. Он не обращал на них внимания и не пытался заговорить: отношения между приемными сыновьями евнуха — это не братство, а вечная конкуренция за расположение. Даже если интересы не пересекались, не стоило держаться вместе, чтобы не раздражать отца.

Спустя полчаса Сяо Лянцзы объявил:

— Отец вернулся с подачи утреннего блюда, можно входить.

Ли Пинъань нахмурился, отметив несостыковку, но промолчал. Он первым вошел в кабинет, остальные гуськом последовали за ним. Все опустились на колени, ударившись лбами о пол.

— Сын молит отца о здравии! Желаю отцу долголетия, подобного соснам, и счастья без конца!

— Хи-хи-хи... — евнух Сунь издал странный смешок, глядя на Ли Пинъаня, стоявшего впереди всех.

Вчера тот проявил великодушие и выдержку, не став спорить с младшими. Сегодня же показал характер и волчью хватку, соревнуясь с равными — это был единственный путь вверх. Те, кто довольствуется крохами и пасует перед соперниками, никогда не добьются успеха.

Евнух Сунь махнул рукой:

— Вставайте, дети мои. У нас тут не принято соблюдать эти утомительные правила.

Ли Пинъань еще трижды поклонился и лишь затем поднялся, склонив голову и согнувшись в пояснице — ни малейшей дерзости. Чем чаще отец говорил, что не ценит формальности, тем меньше стоило расслабляться.

— Что произошло вчера в Управлении Императорской кухни? — спросил Сунь.

Остальные молчали, лишь Сяо Цзюньцзы, отвечавший за учет овощей, выступил вперед:

— Докладываю отцу: в Ведомстве овощей управляющий Дин разорвал контракт с семьей Лю и начал закупать продукты у семьи Цуй.

— Семья Цуй, управляющий Дин, наложница Шу... — пробормотал Сунь. Подумав, он приказал: — Это касается влиятельных кланов и гарема, не стоит тревожить начальство по пустякам. Сяо Цзюньцзы, передай семье Лю, что мы будем закупать у них уголь и дрова.

— Слушаюсь, — поклонился тот.

Затем доложил Сяо Луцзы из кладовой:

— Отец, наложница Юань в последнее время ест много кислого и мало острого, предпочтения изменились более чем на пятьдесят процентов.

Кладовая вела учет всех блюд: что приготовили, что съели, что осталось. Раньше это нужно было для экономии и здоровья, но теперь, в эпоху роскоши, цели изменились.

Лицо евнуха Суня переменялось, он холодно произнес:

— Следите за ее питанием, ни на миг не ослабляйте бдительность. Я сам доложу об этом наверх.

Наложница Юань — не наложница Шу. Последняя происходила из знатного рода, но император не питал к ней любви. Наложница Юань же была любимицей, а ее брат командовал огромной армией. Если она заболит, император, чтобы успокоить северные войска, обрушит гнев на всю Императорскую кухню. А если дело не в болезни, а в беременности — в то время, когда место наследника пустует, — последствия для страны могли быть еще страшнее.

Евнух Сунь поспешно удалился. Приемные сыновья переглянулись, фыркнули и разошлись.

Ли Пинъань вернулся в Палату подачи блюд, сел в кресло и закрыл глаза.

— Во-первых, Сяо Лянцзы врет. Сначала сказал, что отца нет, потом — что он вернулся с подачи блюд... Этот человек хочет поссорить меня с отцом, лишит меня милости. Его нельзя оставлять в покое!

— А Сяо Хоуцзы, который зазывал меня на вино? Случайно ли это? Или его кто-то подослал,

чтобы подставить меня?

Ли Пинъань опустил взгляд, сжав подлокотники кресла. Он скопировал позу и выражение лица евнуха Суня, и его лицо стало темным, как грозовая туча.

— Я не вижу, что у Сяо Хоуцзы на уме, так что разберусь с ним заодно с Сяо Лянцзы.

<http://bllate.org/book/18511/1779144>